

И.Д.Лошкарёв

КОНЦЕПЦИЯ «СИЛЫ ПРОТЕЯ» В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Иван Дмитриевич Лошкарёв — кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории, научный сотрудник Института международных исследований МГИМО (У) МИД России. Для связи с автором: ivan1loshkariov@gmail.com.

Аннотация. В противовес представителям иных направлений в международно-политической науке, конструктивисты долгое время дистанцировались от проблематики силы, однако в 2000—2010-е годы на фоне общего роста интереса к концептуализации данного феномена стали появляться и первые опыты его конструктивистского прочтения. Наиболее полным их выражением может считаться концепция «силы Протея», разработанная группой исследователей под неформальным руководством Питера Катценштайна.

В статье проанализированы основные особенности «силы Протея», а также практики, возникающие с ее участием. Показано, что этот тип силы в меньшей степени, чем другие, связан с конкретными акторами и их намерениями, поскольку направлен на преодоление неопределенности в условиях невозможности просчитать риски. Такая постановка вопроса позволяет пересмотреть роль креативного начала в международных взаимодействиях и придать ему более высокий онтологический статус.

По заключению автора, концепция «силы Протея» продолжает линию на пересмотр онтологических оснований исследования мировой политики, наметившуюся в последнее десятилетие в конструктивизме. Как и некоторые другие конструктивистские разработки, она предполагает холистическую трактовку феномена силы в международных отношениях и отражает стремление отойти от классической (ньютоновской) картины мира. И хотя на сегодняшний день эта концепция дает немало поводов для критики и, возможно, нуждается в доработке и реинтерпретации, ее вклад в научную дискуссию об онтологии силы в международных взаимодействиях несомненен. «Сила Протея» прокладывает путь в обход неопозитивистского консенсуса, который пока задает тон в науке о международных отношениях.

Ключевые слова: «сила Протея», конструктивизм, неопределенность, международные отношения

Понятие силы остается одним из ключевых в международно-политических исследованиях. Как заметил когда-то Ганс Моргентау, «каковы бы ни были конечные цели международной политики, непосредственной целью всегда выступает сила»¹. Сила рассматривается как цель и инструмент международных акторов, функциональный аналог валюты в международных отношениях, единица измерения политических достижений акторов. Подобное разнообразие интерпретаций ставит под вопрос научный статус соответствующего понятия. В этом плане довольно показательна точка зрения Николая Юдина, согласно которой сила — «это именно слово, а не научное понятие, категория или хотя бы термин»². Более убедительной, однако, выглядит позиция Сьюзен Стрейндж. Оценивая ситуацию не столь драматически, она видит путь к решению проблемы в дифференциации силы в зависимости от ее источников и обладателей³. При всей тривиальности такого подхода разграничение различных видов силы позволяет если не выделить смысловое ядро концепта, то хотя бы определить направление дальнейшего поиска его граней и границ.

Не вдаваясь в детали дискуссии о понятии силы в международных исследованиях, отметим, что конструктивистская парадигма долгое время дистанцировалась от данной проблематики. В отличие от реалистов, для которых понятие силы служило строительным блоком для объяснения природы международной упорядоченности и особенностей поведения конкретных акторов, конструктивисты видели истоки упорядоченности в нормах международного поведения, объясняя различия в поведении акторов с помощью концепта идентичности. Естественно, что в подобной концептуальной сетке понятие силы представляло избыточным⁴. Одними из первых этот консенсус в рамках конструктивизма попытались оспорить Майкл Барнетт и Рэймонд Дюваль. Ссылаясь на то, что сама суть конструктивистского проекта заключается в выработке альтернативных подходов к существующим концептам и их интерпретациям, они настаивали на необходимости конструктивистского осмысления и понятия силы⁵. Аргумент Барнетта-Дюваля напрямую восходил к социальному конструктивизму Питера Бергера и Томаса Лукмана, особенно к их идее плюрализма «систем знания»⁶: если конструктивизм претендует на эпистемологическую самостоятельность и состоятельность, он просто не может игнорировать понятие силы, играющее по истине фундаментальную роль в международных исследованиях.

Предложенная Барнеттом и Дювалем типология силы включала как контроль одних акторов над действиями других (прямое и институциональное принуждение), так и влияние на отдельные характеристики акторов (на уровне интересубъективно разделяемых смыслов или путем упорядочивания имеющихся ресурсов) с целью побудить их к определенным действиям⁷. Однако большого энтузиазма среди конструктивистов она не вызвала. По мнению Дженис Маттерн, подобная типология размывала границу между конституированием (формированием характеристик актора) и действием, тем самым подразумевая

¹ Morgentau 1993: 29.

² Юдин 2018: 85.

³ Strange 1994: 23—24.

⁴ Алексеева 2014: 7—8.

⁵ Barnett and Duvall 2005: 41.

⁶ Бергер и Лукман 1995: 135—142.

⁷ Barnett and Duvall 2005: 43.

⁸ Mattern 2008: 696.

⁹ Guzzini 2016: 24—25, 33.

¹⁰ Heimans and Timms 2014.

¹¹ *Липкая сила (sticky power) — способность связывать контрагента обязательствами, существенно повышающими цену конфликта. Этот тип силы во многом близок к структурной силе — способности определять структуру отношений между акторами (см. Mead 2009).*

¹² *Паноптическая сила (panoptic power) — способность с помощью современных информационных технологий контролировать население государств, в том числе враждебных (см. Gill 2008: 208—236).*

¹³ *Умная сила (smart power) — способность гармонизировать воздействие различных типов силы (см. Nye 2011: 207—217).*

¹⁴ *Острая сила (sharp power) — способность противостоять информационному воздействию и мягкой силе потенциально-го противника (см. Walker 2018).*

¹⁵ Nye 2011: 17.

¹⁶ Леонова 2019: 26—27.

возможность наличия у акторов каких-то досоциальных характеристик, что в принципе противоречит аксиоматике конструктивизма⁸. В свою очередь Стефано Гуццини обращал внимание на то, что концептуализация в конструктивизме затрагивает вопросы социальной онтологии — речь идет не просто о дефиниции, но о выделении некоей сущности и идентификации важных ее характеристик. Если же следовать логике Барнетта и Дюваля, важных характеристик может оказаться слишком много, а сама онтологическая единица будет в недостаточной степени отделена от остальной реальности. То есть просто добавлять в уже имеющийся перечень неучтенные ранее типы или измерения силы — это не выход, поскольку необходимым условием научного осмысления является согласованность концепта с теорией и метатеорией⁹.

Контуров конструктивистского прочтения силы более отчетливо просматриваются в концепции «новой силы» Джереми Хейманса и Генри Тиммса. Помимо обычных для западной научно-популярной литературы утверждений о росте открытости и доступности силы, в ней подчеркивается партиципаторный характер «новой силы» и фиксируются механизмы ее распространения — циркуляция, локализация, краткосрочные взаимодействия¹⁰. Если отбросить некоторые откровенно маркетинговые элементы этой концепции, акцент на циркуляции (а не распределении) и коллективной обусловленности (не обязательно в иерархических формах) отражает самую суть конструктивистского взгляда на политические и международно-политические процессы.

На дальнейшее развитие собственно конструктивистских трактовок силы, безусловно, повлияли и концепции, разработанные в 2000—2010-х годах представителями других теоретических школ. Концепции «липкой»¹¹, «паноптической»¹², «умной»¹³ и «острой»¹⁴ силы подчеркивали способность акторов (прежде всего государств) адаптироваться к усложняющейся среде и создавать новые инструменты реагирования на вызовы и угрозы. Эти разновидности силы, обычно работающие в комплексе с традиционными военными и экономическими механизмами принуждения, снижают вероятность откровенно враждебных действий со стороны внешних игроков, обеспечивают дополнительную устойчивость в условиях глобальной неопределенности, активизируют те свойства и ресурсы акторов, которые ранее игнорировались или использовались недостаточно. По мнению Джозефа Ная, именно они позволяют оперировать в рамках сложного организационного устройства мира — обращать в свою пользу эффекты «структурных дыр» и протяженных слабых социальных и политических связей¹⁵. В условиях падения эффективности традиционных стратегий и технологий увеличения влияния акторов и растущего осознания ограниченности базовых внешнеполитических и международно-политических приемов идентификация новых (и потенциально новых) форм и типов силы и путей реагирования на них становится не роскошью, а необходимостью¹⁶.

Именно этими соображениями и руководствовалась группа исследователей по главе с Питером Катценштайном, результатом деятельности которой стала концепция «силы Протея» — современное конструктивистское прочтение феномена силы в международных отношениях. Отсылка к древнегреческой мифологии не случайна. Согласно преданию, Протей, сын Посейдона, обладал уникальной способностью к перевоплощению. Поскольку он умел предвидеть будущее, его постоянно осаждали жаждущие узнать свою судьбу, поэтому, как только его замечали люди, он менял свое обличье. В «Одиссее», пытаясь вырваться из ловушки царя Менелая и его спутников, Протей сменил несколько обликов подряд (лев, дракон, пантера, вепрь, вода, дерево)¹⁷. Подобно Протею, некоторые современные акторы мировой политики способны адаптироваться к внешним шокам и трансформировать не только внешнюю среду, но и самих себя. В зависимости от глубины и эффективности преобразований «сила Протея» может либо накапливаться, либо утекать — нередко вопреки намерениям и предпочтениям акторов.

¹⁷ Гомер 1967: 462.

Неконтролирующая и бесконтрольная сила

В знаменитом «Мелосском диалоге» Фукидид устами афинян высказал тезис о том, что «сильный требует возможного, а слабый вынужден подчиниться»¹⁸. Многие поколения международных ученых выводили из этого тезиса определение силы, трактуя ее как количественное и качественное превосходство над другой стороной, всегда приводящее к одному и тому же исходу — подчинению более слабого. Связка «асимметричность + контроль» лежит в основе большинства современных теоретических рассуждений о силе. Реалисты (а вслед за ними и неореалисты и отчасти неолибералы) посредством данного концепта соединяли понятия выбора и необходимости: сила рассматривалась как существенное ограничение выбора и константа необходимости¹⁹. Между тем в этом контексте весьма примечателен ответ мелосцев, приводимый Фукидидом в том же диалоге: «военное счастье иной раз благоприятствует даже более слабому»²⁰. Иными словами, выбор несводим к необходимости, поскольку в международных отношениях очень многое зависит от случая, что просто вынуждает государственных мужей и дипломатов всерьез относиться к шансу.

¹⁸ Фукидид 1981: 256.

¹⁹ Garst 1989: 10.

²⁰ Фукидид 1981: 258.

Судя по всему, Фукидид трактовал политические процессы не столь линейно, как многие современные международники. В «Истории Пелопонесской войны» некоторые военные союзы заключались случайным образом — например, в один день народное собрание могло проголосовать против некоего союза, на следующий поддержать его. А Фукидидов Перикл в речи к афинянам прямо воспевал умение своих соотечественников воспринимать неудачи с достоинством, «с надеждой на общее благо»²¹. По всей видимости, Фукидид оказался заложником более поздней установки, утвердившейся в социальных науках, в рамках которой обладание силой (властью, влиянием, могуществом, господством) и ее использование концептуализировались с помощью понятия

²¹ Там же: 23, 83—84.

²² Barry 1978: 71.

²³ Garst 1989: 25.

вероятности — частичной или абсолютной способности изменить действия контрагента в противоположном направлении²². В результате ему приписывают довольно однобокое понимание силы, которого он, похоже, не придерживался²³. Если все же отождествлять применение силы с отсутствием выбора и вероятностью выполнения указаний субъекта силового воздействия, то шанс, удача и альтернативные варианты поведения в международных отношениях так и останутся предметом внимания лишь особо взыскательных теоретиков.

Предлагаемое Катценштайном переосмысление феномена силы открывало выход из этой ловушки. Обратной стороной вероятности события, способности заставить кого-то сделать что-то, отмечал он, выступает сама неопределенность, наличие разных потенциальностей. Если на одном краю континуума социальных взаимодействий находится связка «асимметричность + контроль», то на противоположном присутствует связка «горизонтальность + креативность». В противовес линейному и во многом заданному видению мира такое разделение позволяет рассматривать международные отношения как поле возможностей, в том числе обусловленных моральными, социальными и личными идеалами. Причем поле это, в сущности, многослойно, так как оперирует не только в рамках бинарной оппозиции «вероятное — невероятное», но и в рамках противопоставлений «возможное — невозможное», «естественное — противоестественное», «нормальное — ненормальное». Поскольку речь идет о социальных взаимодействиях, между данными «слоями» нет и не может быть полного совпадения, а значит, возникают структурные разрывы и промежуточные зоны/состояния, придающие дополнительную сложность социальной и международно-политической реальности²⁴.

²⁴ Katzenstein and Seybert (eds.) 2018: 8–9.

В отличие от той части континуума, которая связана с вертикальными отношениями подчиняющего и подчиняющегося, где преобладает сила как контроль, на другом его конце сила — это способность создавать новые возможности, находить выход из, казалось бы, безвыходных ситуаций. Это пространство неочевидных и малопредсказуемых возможностей и практик и есть «сила Протея». Данное метафорическое обозначение подчеркивает творческое и противостоящее контролю начало в международных отношениях. Если потенциал силы как контроля (то есть жесткой силы, по Наю) можно аккумулировать в повседневных взаимодействиях акторов, в ходе достаточно рутинной деятельности органов власти, общественных организаций, международных институтов, то «сила Протея» возникает в особых условиях — в условиях накопления рисков и неопределенности, что воспринимается акторами как кризис или нечто более масштабное. Поэтому «силу Протея» нельзя назвать неким запрограммированным или заложенным изначально атрибутом актора: перед нами не потенциал, а эмерджентность²⁵.

²⁵ Ibid: 10–12.

Разграничение «силы как контроля» и «силы Протея» не означает отрицания других концепций силы. Это лишь крайние проявления силы, между которыми вполне можно разместить некоторые другие ее

²⁶ *Strange 1994; Gill 2008: 208—236; Mead 2009; Nye 2011: 207—217; Walker 2018.*

²⁷ *Юдин 2018: 94.*

типы (см. *рис. 1*), подразумевающие более слабые формы контроля или контроль, ограниченный отдельной сферой взаимодействий (экономической, информационной, культурной)²⁶. Соответственно, данные типы силы тоже можно рассматривать с точки зрения наличия у них каких-либо эмерджентных или заданных свойств. Довольно часто в теории международных отношений возникают споры, следует ли считать силу атрибутом актора, или же она есть результат социализации актора в международной среде. Некоторые исследователи усматривают в таком противопоставлении дилемму, допускающую лишь один вариант ответа — атрибутивный или поведенческий²⁷. Указанный континуум позволяет расширить аналитическую рамку, поскольку акторам, как и их взаимодействиям, здесь не приписывается некий конечный и универсальный набор параметров.

Рисунок 1 Типы силы в международных отношениях

Жесткая сила	Структурная сила	Липкая сила	Паноптическая сила	Острая сила	Умная сила	Мягкая сила	Сила Протея
←							→
Контроль							Креатив

Ввиду того что «сила Протея» носит эмерджентный характер и возникает в результате внутреннего развития актора и внешних шоков международной среды, она отличается от традиционных типов силы и логикой своего появления. По мнению Катценштайна, аналогом «силы Протея» может служить игра в теннис, где в *нужное время* и в *нужном месте* необходимо отбить мячик: заранее не известна ни сила удара по мячику, ни направление его полета. Учитывая, что правила игры в международных отношениях не совсем понятны, догадок и более сложных форм предсказания, а также копирования поведения партнера здесь просто недостаточно. Очевидно, что акторы стремятся к достижению той или иной цели, но конкретные действия и формы поведения остаются предметом постоянного интеллектуального поиска и могут включать в себя элементы «силы Протея». Именно ситуации неспрогнозируемой неопределенности порождают силу этого типа, особенно когда акторы совершают действия, последствия которых частично или полностью неизвестны²⁸.

²⁸ *Katzenstein and Seybert (eds.) 2018: 10—11, 15—16.*

Таким образом, неопределенность в международных отношениях в концепции «силы Протея» оказывается не только источником беспокойства и ситуацией с несколькими равновероятными альтернативами. Она побуждает акторов изобретать новые практики и варианты действий, переопределять себя и среду международных взаимодействий. Поскольку история и «ползет», и «двигается прыжками», акторы совершают новые действия осознанно (импровизируют) или интуитивно.

Такая созидательность неопределенности приводит к самовоспроизводству «силы Протея», ведь темпы изменения международной динамики воспринимаются актерами неодинаково, а сами эти изменения, по видимому, определяются неравномерным распределением других типов силы²⁹.

²⁹ *Ibid.*: 39—40.

Особенности воспроизводства «силы Протея» обуславливают совершенно иной способ ее распространения. Сила как контроль (военное и экономическое принуждение) максимизируется, накапливается, распределяется в соответствии с заранее продуманными планами, систематически применяется на конкретных направлениях, утрачивается по мере использования или даже с течением времени³⁰. На этом краю континуума силу или производят самостоятельно, или отнимают — в зависимости от исходного потенциала и дальнейшей линии поведения других игроков. Напротив, «сила Протея» циркулирует между актерами, применяется на конкретных направлениях произвольно или в результате творческого переосмысления характеристик акторов и утрачивается в условиях определенности и по мере появления новых креативных решений со стороны партнеров или оппонентов³¹. То есть сила в международных отношениях присутствует постоянно, но различные ее типы находятся в обращении и утрачиваются по-разному (см. *табл. 1*).

³⁰ Baldwin 2016: 175—177.

³¹ Katzenstein and Seybert (eds.) 2018:10—11.

Таблица 1 Различия между силой как контролем и «силой Протея»

	<i>Сила как контроль</i>	<i>Сила Протея</i>
<i>Контекст</i>	Актер обоснованно или необоснованно убежден, что риски можно просчитать	Актер обоснованно или необоснованно убежден, что ему придется действовать в условиях непредсказуемой неопределенности
<i>Поведение акторов</i>	Актеры анализируют характеристики заранее известных партнеров и оппонентов, дают вероятностные оценки их действий и в соответствии с этими оценками используют свой потенциал	Не зная заранее, с какими актерами и проблемами им придется столкнуться, актеры используют не потенциал, а гибкие и ситуативные характеристики и ищут решения локальных проблем без четкого осознания последствий своих действий для других акторов и международных отношений в целом
<i>Фокус</i>	Актуальность	Потенциальность
<i>Распространение и обращение</i>	Через направление и распределение	Через создание новых «точек силы» и циркуляцию
<i>Трактовка силы</i>	Скорее атрибутивная (сила как характеристика актора)	Скорее реляционистская (сила как характеристика отношений между актерами)

**Практики
«силы Протея»**

Хотя введение в исследовательский оборот «силы Протея» может показаться очередным этапом спора о дефинициях, на самом деле мы имеем дело с ответом на вопрос: что делает/осуществляет сила? Концепция «силы Протея» подчеркивает неоднородность, разобщенность и многонаправленность силы, однако перечисление данных характеристик или симптомов не вносит ясности в понимание самого этого феномена — напротив, он предстает еще более сложным, чем представлялось ранее. Для конструктивистов-международников анализ практик важнее битвы за точность в определении сущностно оспариваемых теоретических концептов.

Яркие примеры практик «силы Протея» дают террористические группы. В частности, их адаптацию к деятельности государств по защите населения и особо важных объектов от нападений сложно объяснить с позиций силовых потенциалов: государства заведомо превосходят их в военном, экономическом, правовом и т.д. плане, особенно на глобальном и региональном уровне. Среди тенденций последнего времени — распространение террористическими организациями устрашающих фотографий и видеороликов в социальных сетях и переход к индивидуальному террору (вместо продуманных групповых акций). Важен сам факт изменения практик запугивания населения и воспроизводства основной формы поведения: террористы, похоже, вырабатывают новые способы достижения своих целей быстрее, чем их основные противники. Истоки такого положения вещей в самой цели террористической деятельности, а именно в стремлении добиться политических результатов с помощью преумножения неопределенности: в конечном счете правительствам и населению приходится гадать, где и когда состоится следующая атака, что станет ее объектом и какие средства нападения будут задействованы. Как минимум на этапе борьбы с контролем и упорядоченностью террористические организации чаще получают доступ к «силе Протея», адаптируются к контртеррористической деятельности. Однако опыт запрещенного в России Исламского государства показывает, что террористические организации утрачивают это преимущество, когда перестают культивировать неопределенность и пытаются выстроить собственную систему контроля и упорядоченности³².

³² *Ibid.*: 201—208, 283—284.

Деятельность террористических организаций наглядно демонстрирует, что в практиках силы важнейшим элементом остается направленность последней. В случае силы как контроля речь идет о конкретной цели или результате, в случае «силы Протея» — о самой неопределенности и попытках ее преодолеть. Безусловно, дело тут не только в ориентации акторов на инновационные варианты реагирования на кризисы и кажущиеся безвыходными ситуации; необходимо учитывать также случай, удачу и различного рода предрасположенность к определенным эффектам. Применительно к «силе Протея» направленность оказывается размытой и «туманной», что совершенно нормально для рассуждений в логике нелинейных взаимодействий³³.

³³ *Zürn 2020*: 474—476; *Katzenstein 2020*: 490—491.

Классическим примером практик «силы Протея» можно считать также появление криптовалют, прежде всего биткойна. Напомним, что биткойн был запущен в оборот в начале 2009 г. на фоне глобального финансово-экономического кризиса, одной из причин которого был перегрев кредитного рынка, в свою очередь связанный с изъянами системы кредитования в развитых странах: сначала государства эмитировали деньги, затем эти деньги с учетом процентной ставки отдавались в долг банкам, которые со своей наценкой одалживали их конечным потребителям. Подобная система с двумя посредниками привела к увеличению «вторичного» капитала, то есть наслаивающихся друг на друга долговых обязательств, сопровождавшемуся ростом числа конечных заемщиков, неспособных вернуть долг. Появление криптовалют стало ответом на несовершенство рынка капитала — на смену одному эмитенту денег (в лице государства) пришло множество. Более того, если на классическом рынке капитала выгода сосредоточена в руках эмитента и банков, то на крипторынке она случайным образом распределяется среди участников³⁴. Как отмечала в свое время Стрейндж, финансовое измерение глобальной политики включает в себя «силу кредита» — способность разрешать или запрещать кому-либо тратить деньги сегодня при условии их возвращения завтра³⁵. Внедрение криптовалют фактически представляет собой альтернативу вековым традициям «силы кредита»: на глобальном рынке криптокапитала можно получить средства без необходимости их возвращения, причем в отсутствие существенного регулирования этого рынка из формулы выпадает и возможное запрещение транзакций. Иначе говоря, анонимные создатели и участники крипторынков просто переписали правила глобального рынка капитала, по крайней мере для себя.

³⁴ Katzenstein and Seybert (eds.) 2018: 132—136.

³⁵ Strange 1994: 90.

Не вызывает сомнений, что мировой рынок криптовалют крайне неустойчив и государства постепенно вырабатывают инструменты контроля над ним. То есть устранение одной неопределенности вполне может означать появление новых. Но случай биткойна интересен не только тем, что демонстрирует, как в условиях кризиса возникают стимулы для инноваций³⁶. Важнейшая его составляющая — это акторы, ставшие движителями новых идей: вместо традиционных игроков рынка капитала (государств, банков, страховщиков) потенциальности реализовались с помощью программистов и анонимных участников взаимодействий (не исключено, что к этому приложили руку и преступные сообщества). Другими словами, «сила Протея» не привязана к конкретным акторам и их намерениям и может подталкивать к определенным шагам и ранее неактивных участников мировой политики, в том числе в новых для них сферах³⁷.

³⁶ Katzenstein and Seybert (eds.) 2018: 142—143.

³⁷ Zürn 2020: 474.

Кроме того, случай биткойна высвечивает важнейший инструмент «силы Протея» — изменение границ разных типов неопределенности. Если операционная неопределенность связана с характеристиками актора и его способностью научиться предугадывать повторяющиеся и непостоянные события, то радикальная неопределенность вырастает

из самой сложности социального мира, и преодолеть ее невозможно. Поскольку знания акторов об окружающем мире изначально неодинаковы, граница операционной неопределенности определяется объемом информации и навыков применительно к разным аспектам реальности³⁸. Передвигая границы операционной и радикальной неопределенности, акторы способны повлиять на циркуляцию «силы Протея» (хотя это и не гарантирует какого-либо результата).

³⁸ *Katzenstein 2020: 496—497.*

При анализе практик силового взаимодействия важно учитывать, что все рассмотренные выше разновидности силы (включая «силу Протея») представляют собой скорее веберовские идеальные типы, крайне редко встречающиеся в чистой, «дистиллированной» форме. То, что одним акторам кажется радикальной неопределенностью, другие полагают возможным направлять и даже контролировать. Вне зависимости от того, реален этот контроль или иллюзорен, сама внешняя среда может менять свои характеристики — переходить от кризисных состояний к более устойчивым, задерживаться в каких-то переходных фазах или, наоборот, проскакивать через них чересчур стремительно. Поэтому «сила Протея» в международных отношениях чаще всего проявляется в комбинации с более привычными для теоретиков-международников типами силы.

Вместо заключения

Концепция «силы Протея» вновь ставит перед международно-политической наукой вопрос о нелинейности и сложности изучаемых взаимодействий. Обращение к анализу сложных открытых систем началось еще в 70—80-е годы прошлого столетия и чаще всего имело целью сближение естественных и социальных наук, борьбу с упрощениями и увлечением абстрактными конструкциями, поиск баланса между качественными и количественными методами³⁹. «Сила Протея» не ставит под сомнение эти начинания, но смещает фокус на логику исследования сложности и нелинейности.

³⁹ *Axelrod and Cohen 2000: 158—159.*

Как отмечает Эмануэль Адлер, концепция «силы Протея» обращает внимание теоретиков на связь между силой и практикой. Благодаря отказу от одностороннего атрибутивного толкования силы она вскрывает способность последней порождать практики (например, разработка ядерного оружия привела к созданию режима его нераспространения). Но возможна и обратная ситуация: практики обуславливают возникновение или проявление силы — в зависимости от масштаба и типа неопределенности. Помимо прочего, отсюда вытекает необходимость переоценки роли инноваций, импровизаций и случайных находок в международно-политических взаимодействиях: судя по всему, эта роль онтологически столь же существенна, как и роль контроля и упорядоченности. Соответственно, восприимчивость к инновациям должна стать неотъемлемым аспектом анализа агент-структурных отношений⁴⁰.

⁴⁰ *Adler 2020: 424.*

Сходные тезисы высказывались и раньше. Так, рассуждения о росте неопределенности, сочетании несочетаемого, значении альтернатив

развития и потенциальностей для действий акторов можно найти, скажем, в концепции субполитики Ульриха Бека. Однако Бек полагал, что все это — атрибуты нового этапа общественного развития, связывая активизацию различных «систем знания» и, как следствие, умножение неопределенности со становлением глобальной республиканистской современности (в духе Иммануила Канта)⁴¹. Концепция «силы Протея» более универсальна и отражает глубинное содержание международных отношений, природу которых принято описывать как анархическую⁴².

⁴¹ Beck 1997.

⁴² Katzenstein and Seybert (eds.) 2018: 25—26.

Истоки такой универсальности прежде всего онтологические, эпистемологические и методологические. Современный конструктивизм постепенно приходит к осознанию ущербности научной картины мира, сложившейся в XVII—XVIII столетиях. Выйти из «глубокого ньютоновского оцепенения» и исследовать политические изменения на глобальном и региональном уровне исходя из целостности социальных явлений и альтернативности их развития еще в 1990-х годах призывал Джон Рагги, с сожалением констатировавший, что новое представление об устройстве мира, связанное с открытием квантовых эффектов и возникновением соответствующего раздела физики, пока никак не отражено в общественных дисциплинах⁴³. Первые квантово-холистские концепции в социальных науках, продемонстрировав большой потенциал с точки зрения решения многих онтологических и эпистемологических вопросов, вместе с тем оказались не в состоянии продвинуть международно-политическую науку в методологическом плане⁴⁴. Концепция «силы Протея» призвана исправить это положение. Опираясь не на метатеоретическом, а на операциональном уровне, она позволяет рассматривать неопределенность как совокупность вероятностей в квантовом смысле, то есть по аналогии с потенциально возможными (и даже невероятными) траекториями полета элементарной частицы.

⁴³ Ruggie 1998: 194—195.

⁴⁴ Wendt 2015; Алексеева, Минеев и Лошкарёв 2016.

Конечно, концепция «силы Протея» пригодна лишь для ретроспективного анализа кейсов и различных международных процессов — таков удел большинства инструментов социальных наук. В связи с этим основанием для критики может служить уже само ее обращение к неизмеримым явлениям и неопределенностям. С одной стороны, измерять и определять что-то постфактум социальные науки все-таки умеют, а если можно измерить, то анализ «силы Протея» выглядит избыточным. С другой стороны, существует опасность превращения «силы Протея» в «прибежище» для социальных феноменов, не поддающихся объяснению и квантификации⁴⁵. То есть даже на операциональном уровне данная концепция может нуждаться в определенной доработке и реинтерпретации.

⁴⁵ Фокин 2019: 298—299.

В целом концепция «силы Протея» расширяет понятие международной неопределенности и сближает традиционные исследования силовых взаимодействий с вызревающим квантовым холизмом в социальных науках. Это необходимо не столько для того, чтобы формулировать

⁴⁶ Katzenstein 2020: 491—492.

контринтуитивные парадоксы и усложнять и без того непростые теории международных отношений⁴⁶. Речь идет о подрыве многолетнего доминирования в международно-политической науке редукционизма (в том числе онтологического и эпистемологического), не позволявшего анализировать международные отношения во всей их полноте, многомерности и многоуровневости. Главным достижением данной концепции является вклад в научную дискуссию об онтологии силы в международных взаимодействиях и обогащение концептуального аппарата исследователей. «Сила Протея» прокладывает путь в обход неопозитивистского консенсуса, который пока задает тон в обсуждении вопроса о том, что все-таки считать наукой о международных отношениях.

Библиография

Алексеева Т.А. (2014) «Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир» // *Сравнительная политика*, № 1 (14): 4—21. URL: https://mgimo.ru/files2/z08_2014/Tatiana_Alexeyeva_Think_like_Constructivist_Discovering_a_Polyphonic_World.pdf (проверено 20.02.2021).

Алексеева Т.А., А.П.Минеев и И.Д.Лошкарёв. (2016) «„Земля смятения“: квантовая теория в международных отношениях?» // *Вестник МГИМО-Университета*, № 3 (48): 7—14. URL: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/532/532> (проверено 20.02.2021).

Бергер П. и Т.Лукман. (1995) *Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания*. М.: Медиум.

Гомер. (1967) *Илиада. Одиссея*. М.: Художественная литература.

Леонова О.Г. (2019) «Sharp power — новая технология влияния в глобальном мире» // *Мировая экономика и международные отношения*, т. 63, № 2: 21—28. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/02_2019/04_LEONOVA.pdf (проверено 20.02.2021).

Фокин К.В. (2019) «Серая зона, или Измеряя неизмеримое?» // *Политическая наука*, № 3: 285—302. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/323646901.pdf> (проверено 20.02.2021).

Фукидид. (1981) *История*. Ленинград: Наука.

Юдин Н.В. (2018) «Дискуссия об образах силы в теории международных отношений: Поворот не туда?» // *Международные процессы*, т. 16, № 3: 84—99. URL: <http://www.intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/2031/xJUvnl4GDv.pdf> (проверено 20.02.2021).

Adler E. (2020) «Control Power as a Special Case of Protean Power: Thoughts on Peter Katzenstein and Lucia Seybert's *Protean Power: Exploring the Uncertain and Unexpected in World Politics*» // *International Theory*, vol. 12, no. 3: 422—434.

Axelrod R. and M.D.Cohen. (2000) *Harnessing Complexity. Organizational Implications of a Scientific Frontier*. New York: Basic Books.

Baldwin D.A. (2016) *Power and International Relations: A Conceptual Approach*. Princeton: Princeton University Press.

- Barnett M. and R.Duvall. (2005) «Power in International Politics» // *International Organization*, vol. 59, no. 1: 39—75.
- Barry B. (1978) «Power: An Economic Analysis» // Barry B., ed. *Power and Political Theory: European Perspectives*. New York: Wiley: 67—101.
- Beck U. (1997) «Subpolitics: Ecology and the Disintegration of Institutional Power» // *Organization & Environment*, vol. 10, no. 1: 52—65.
- Garst D. (1989) «Thucydides and Neorealism» // *International Studies Quarterly*, vol. 33, no. 1: 3—27.
- Gill S. (2008) *Power and Resistance in the New World Order*. London, New York: Palgrave Macmillan.
- Guzzini S. (2016) «Power» // Berenskoetter F., ed. *Concepts in World Politics*. London: Sage: 23—40.
- Heimans J. and H.Timms. (2014) «Understanding „New Power“» // *Harvard Business Review*, vol. 92, no. 12: 48—56.
- Katzenstein P.J. (2020) «Protean Power: a Second Look» // *International Theory*, vol. 12, no. 3: 481—499.
- Katzenstein P.J. and L.A.Seyhert, eds. (2018) *Protean Power: Exploring the Uncertain and Unexpected in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mattern J.B. (2008) «The Concept of Power and the (Un)discipline of International Relations» // Reus-Smit C. and D.Snidal, eds. *The Oxford Handbook of International Relations*. Oxford: Oxford University Press: 691—698.
- Mead W.R. (2009) «America’s Sticky Power» // *Foreign Policy*, 29.10. URL: <https://foreignpolicy.com/2009/10/29/americas-sticky-power/> (accessed on 20.02.2021).
- Morgenthau H.J. (1993) *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. Boston: McGraw Hill.
- Nye J.S. (2011) *The Future of Power*. New York: Public Affairs.
- Ruggie J.G. (1998) *Constructing the World Polity: Essays on International Institutionalization*. London, New York: Routledge.
- Strange S. (1994) *State and Markets*. London, New York: Continuum.
- Walker C. (2018) «What Is „Sharp Power“?» // *Journal of Democracy*, vol. 29, no. 3: 9—23.
- Wendt A. (2015) *Quantum Mind and Social Science: Unifying Physical and Social Ontology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Zürn M. (2020) «Unknown Effects of Social Innovations» // *International Theory*, vol. 12, no. 3: 471—480.

I. D. Loshkariov

PROTEAN POWER CONCEPT IN INTERNATIONAL RELATIONS: ORIGINS AND PROSPECTS

Ivan D. Loshkariov — Ph.D. in Political Science; Associate Professor at the Department of Political Theory, Research Fellow at the Institute of International Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Email: ivan1loshkariov@gmail.com.

Abstract. In contrast to the representatives of other directions in International Relations Science, constructivists have long distanced themselves from the notion of power, but in the 2000s and 2010s, due to the increasing interest in conceptualizing this phenomenon, the first attempts of the constructivist interpretation of the concept of power started to emerge. Such interpretations received their fullest expression in the concept of Protean power, developed by a group of researchers under the informal leadership of Peter Katzenstein.

The article analyzes the main features of the Protean power, as well as the emerging practices. The author shows that this type of power is less associated with specific actors and their intentions than other types of power, since it is aimed at overcoming uncertainty under the conditions when it is impossible to calculate risks. This formulation of the question allows one to reconsider the role of the creativity principle in international interactions and provide it with a higher ontological status.

According to the author's conclusion, the concept of Protean power continues the line of revising the ontological foundations of the studies of world politics, which has emerged within constructivism in the last decade. Similarly to some other constructivist concepts, this concept implies a holistic interpretation of the phenomenon of power in international relations and reflects the desire to move away from the classical (Newtonian) worldview. Although today it provides many reasons for criticism and, perhaps, needs further elaboration and reinterpretation, its contribution to the scientific discussion of the ontology of power in international interactions is beyond doubt. Protean power is paving the way that allows bypassing the neo-positivist consensus that has so far set the tone in the International Relations Science.

Keywords: Protean power, constructivism, uncertainty, international relations

References

- Adler E. (2020) “Control Power as a Special Case of Protean Power: Thoughts on Peter Katzenstein and Lucia Seybert’s *Protean Power: Exploring the Uncertain and Unexpected in World Politics*” // *International Theory*, vol. 12, no. 3: 422–434.
- Alekseeva T.A. (2014) “Myslit’ konstruktivistski: otkryvaja mnogogolosyj mir” [Thinking like Constructivist: Discovering a Polyphonic World] // *Sravnitel’naja politika* [Comparative Politics Russia], no. 1 (14): 4–21. URL: https://mgimo.ru/files2/z08_2014/Tatiana_Alexeyeva_Think_like_Constructivist_Discovering_a_Polyphonic_World.pdf (accessed on 20.02.2021). (In Russ.)
- Alekseeva T.A., A.P.Mineyev, and I.D.Loshkariov. (2016) “„Zemlja smjatenija“: kvantovaja teorija v mezhdunarodnykh otnoshenijakh?” [“Land of Confusion”: Quantum Physics in IR Theory?] // *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], no. 3 (48): 7–14. URL: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/532/532> (accessed on 20.02.2021). (In Russ.)
- Axelrod R. and M.D.Cohen. (2000) *Harnessing Complexity: Organizational Implications of a Scientific Frontier*. New York: Basic Books.
- Baldwin D.A. (2016) *Power and International Relations: A Conceptual Approach*. Princeton: Princeton University Press.
- Barnett M. and R.Duvall. (2005) “Power in International Politics” // *International Organization*, vol. 59, no. 1: 39–75.
- Barry B. (1978) “Power: An Economic Analysis” // Barry B., ed. *Power and Political Theory: European Perspectives*. New York: Wiley: 67–101.
- Beck U. (1997) “Subpolitics: Ecology and the Disintegration of Institutional Power” // *Organization & Environment*, vol. 10, no. 1: 52–65.
- Berger P. and T.Luckmann. (1995) *Sotsial’noe konstruirovanie real’nosti: Traktat po sotsiologii znanija* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Moscow: Medium. (In Russ.)
- Fokin K.V. (2019) “Seraja zona, ili Izmerjaja neizmerimoe?” [The Grey Zone, or Measuring the Unmeasurable?] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 3: 285–302. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/323646901.pdf> (accessed on 20.02.2021). (In Russ.)
- Garst D. (1989) “Thucydides and Neorealism” // *International Studies Quarterly*, vol. 33, no. 1: 3–27.
- Gill S. (2008) *Power and Resistance in the New World Order*. London, New York: Palgrave Macmillan.
- Guzzini S. (2016) “Power” // Berenskoetter F., ed. *Concepts in World Politics*. London: Sage: 23–40.
- Heimans J. and H.Timms. (2014) “Understanding „New Power“” // *Harvard Business Review*, vol. 92, no. 12: 48–56.
- Homer. (1967) *Iliada. Odisseja* [Iliad. Odyssey]. Moscow: Khudozhestvennaja literatura. (In Russ.)
- Katzenstein P.J. (2020) “Protean Power: a Second Look” // *International Theory*, vol. 12, no. 3: 481–499.

Katzenstein P.J. and L.A.Seyhert, eds. (2018) *Protean Power: Exploring the Uncertain and Unexpected in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Leonova O.G. (2019) “Sharp power — novaja tehnologija vlijanija v global’nom mire” [Sharp Power — the New Technology of Influence in a Global World] // *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations], vol. 63, no. 2: 21—28. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/02_2019/04_LEONOVA.pdf (accessed on 20.02.2021). (In Russ.)

Mattern J.B. (2008) “The Concept of Power and the (Un)discipline of International Relations” // Reus-Smit C. and D.Snidal, eds. *The Oxford Handbook of International Relations*. Oxford: Oxford University Press: 691—698.

Mead W.R. (2009) “America’s Sticky Power” // *Foreign Policy*, 29.10. URL: <https://foreignpolicy.com/2009/10/29/americas-sticky-power/> (accessed on 20.02.2021).

Morgenthau H.J. (1993) *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. Boston: McGraw Hill.

Nye J.S. (2011) *The Future of Power*. New York: Public Affairs.

Ruggie J.G. (1998) *Constructing the World Polity: Essays on International Institutionalization*. London, New York: Routledge.

Strange S. (1994) *State and Markets*. London, New York: Continuum.

Thucydides. (1981) *Istorija* [History]. Leningrad: Nauka. (In Russ.)

Walker C. (2018) “What Is „Sharp Power“?” // *Journal of Democracy*, vol. 29, no. 3: 9—23.

Wendt A. (2015) *Quantum Mind and Social Science: Unifying Physical and Social Ontology*. Cambridge: Cambridge University Press.

Yudin N.V. (2018) “Diskussija ob obrazakh sily v teorii mezhdunarodnykh otnoshenij: Povорот ne tuda?” [Faces of Power Discussion in International Relations Theory: A Wrong Turn?] // *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], vol. 16, no. 3: 84—99. URL: <http://www.intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/2031/xJUvnl4GDv.pdf> (accessed on 20.02.2021). (In Russ.)

Zürn M. (2020) “Unknown Effects of Social Innovations” // *International Theory*, vol. 12, no. 3: 471—480.